

Бабушки и Любимые

СБОРНИК СКАЗОК НЕЗАВИСИМЫХ СКАЗОЧНИЦ

Евгения Хамуляк

**Бабушколюбие. Сборник
сказок независимых сказочниц**

«Издательские решения»

Хамуляк Е.

Бабушколюбие. Сборник сказок независимых сказочниц /
Е. Хамуляк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968949-8

Дорогие друзья! Вы держите в руках книгу со сказками, которые написали мамы и бабушки для своих любимых детей и внуков. Они складывали буквы, продиктованные сердцем, в слова, приправляли их нежностью и светлой грустью, посыпали искорками смеха и поливали слезами умиления, удивлялись сами, как на их же глазах рождается новая история, которая должна сделать любого читателя капельку добрее, благороднее и счастливее.

ISBN 978-5-44-968949-8

© Хамуляк Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Евгения Хамуляк «Великая миссия Любы»	7
«Дедушкины Сашины сказки»	16
«Бабушкины Ольгины Сказки»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Бабушколюбие

Сборник сказок независимых сказочниц

Авторы: Хамуляк Евгения, Чертилина Елена, Зырянова Светлана, Чуканова Татьяна, Ганс Екатерина, Янтилина Регина, Анурова Надежда, Рзянина Анжелика, Васильева Майя, Волк Лора

Иллюстратор Ася Батурина

© Евгения Хамуляк, 2019

© Елена Чертилина, 2019

© Светлана Зырянова, 2019

© Татьяна Чуканова, 2019

© Екатерина Ганс, 2019

© Регина Янтилина, 2019

© Надежда Анурова, 2019

© Анжелика Рзянина, 2019

© Майя Васильева, 2019

© Лора Волк, 2019

© Ася Батурина, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-8949-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Идея создания сборника на такую благодушную тему, как «бабушколюбие», летала в воздухе всегда. Каждый из нас, мам и пап, бабушек и дедушек, воспитателей и учителей, всегда мечтал и до сих пор мечтает найти волшебную палочку, которая совершила бы чудо, сделав из наших детей самых добрых, самых умных, самых воспитанных и благородных людей на свете, помнящих и любящих своих родителей, родину и историю. И эта волшебная палочка всегда лежала и лежит на самом видном месте – добрые сказки, рассказанные нашими дорогими мудрыми бабушками, которые учат, предупреждают, помогают, открывают и окрыляют. И хотя у многих из нас не было возможности побыть подольше с нашими любимыми стариками, тем не менее их любовь всё равно питает нас, поддерживает сквозь время и пространство, например, через эти сказочные истории, которые в свое время мы перескажем внукам, чтобы они не забыли нас, родину и историю.

«Каждый умножает свое», – говорит древняя мудрость. Так давайте умножать доброе и прекрасное, писать и читать сказки, чтобы однажды сделать их былью.

@skazki_evgeniikhamulyak

Меня зовут Евгения Хамуляк и я поставила себе грандиозную, но выполнимую задачу возобновить интерес к сказкам всех читающих и размышляющих людей на свете! Но это не все. Грандиозность так же состоит в том, чтобы прославить через свои произведения мою дорогую и любимую родину на тысячи световых километров вперед, назад, а также желательно вправо и влево. По дороге найти себе множество друзей и единомышленников, попытаться вдохновить этих смельчаков на творчество. И, самое главное, заставить поверить в существование другой сказочной реальности, которая находится так близко, что даже трудно себе представить. В нас самих! Там живут мириады наших фантазий, полные магии и волшебства, которые по сути являются всего лишь не изученными законами физики и естествознания... Чтобы в один прекрасный день сказку сделать былью! Грандиозной и выполнимой.

Евгения Хамуляк «Великая миссия Любы»

Посвящается моей собаке Любе, действительно очень красивой собаке с человеческими глазами. Уход за брошенным, испуганным животным сделал меня, как человека, лучше.

Жила-была на свете одна собака, и кому-то взбрело в голову назвать ее Любой. На самом деле за этим стояла романтическая и немного трагическая история.

Виктору Семеновичу, трудившемуся инженером на заводе стали и сплавов, предложил взять дворового щенка коллега, приговаривая, что хоть тот и не породистый, да шибко красивый народился. А Виктор Семенович как раз подумывал над подарком своей дорогой жене Любове Геннадьевне, которую крепко любил и, как мог, радовал разными подарками по случаю и без, отчего та в нем души не чаяла. И хоть в паре они давно пережили горе, утрату сына и невозможность иметь больше детей, решили остаться лишь вдвоем, посвящая весь досуг любимой даче и редким поездкам на море и в горы. И вот на даче, которая хорошела раз от разу от умений и стараний Виктора Семеновича и его замечательной хозяйственной жены Любви, понадобился-таки помощник и охранник.

Охранница. Виктор Семенович назвал ее Любой в честь жены и в красивой коробке принес после работы, укладывая в руки счастливой, плачущей от радости именинницы, которая напрочь забыла о том, что с детства имела аллергию на животных. Однако вид милого щенка просто ослепил Любовь Геннадьевну, что она забыла про все на свете.

Люба и в самом деле была удивительно хороша: смесь каких-то гончих пород дала собаке длинные стройные ноги, умные ишейки-прародительницы подарили красивую правильной формы голову. Ну и непонятно, кто и как одарил собачку выразительными, словно бы человеческими, огромными голубыми глазами с пушистыми девичьими ресницами.

– Человеческие! – твердили слева.

– Ну просто человеческие! – кричали в восторге справа.

– Подумать только, глаза-то как у человека! – не могли успокоиться третьи.

– Это ж надо, взгляд-то какой осмысленный, будто человеческий! —хлопали в ладоши четвертые под умильные улыбки добропорядочной семьи, гордо гуляющей с Любой по местным окрестностям.

Виктор Семенович не один час, напялив очки по самые уши, сидел перед компьютером, высматривая эту аномалию на кинологических форумах. Связывался со знающими людьми. Уж больно аномалия была аномальной. И наконец разгадка, вполне себе логическая, но очень уж мистическая, нашла ум Виктора Семеновича. Генетики утверждали, что между волком и человеком, несмотря на внешнее различие, имеется много общего. Не меньше, чем с шимпанзе. Когда-то, говорили особенно убежденные, человек и волк явно имели общего предка, именно поэтому до сих пор рождаются люди, так похожие на волка, обросшие шерстью, с волчьей пастью... А порой вся схожесть проявляется в дикой ярости и хитром уме хищника. И Виктор Семенович верил, что Люба пришла к ним не просто так. Часто, глядя на нее, на ее действительно осознанный взгляд, он отводил свои глаза, не в силах долго смотреть на одушевленную собаку.

– Витя, это лучший подарок, который ты мне только мог сделать! – растроганная жена обняла невероятно счастливого и гордого мужа. И чихнула. Потом еще раз и еще раз.

Но трагедия, которая случилась только через год, не имела отношения ни к собаке Любе, ни к аллергии Любви Геннадьевны, которая на седьмом десятке еще очень красивой, ухоженной интеллигентной дамой отправилась спать, намазав руки питательным кремом по самые локти, уснула сном ангела и больше уже не проснулась.

Такую сонную и умиротворенную запомнил ее Виктор Семенович, не в силах более думать ни о чем, кроме ушедшей жены. И поэтому на сорок первый день после смерти любимой, он отвел Любу в ближайший приют, больше не глядя ни в ее человеческие, полные сострадания и печали глаза, ни в свои, виня ее и себя за глупый подарок и трагическое стечение обстоятельств.

То, что Любовь Геннадьевна ушла из жизни, потому что ее волшебный песок в хрустальном безвременном часе истек, чтобы слиться с песком утраченного сына, Виктор Семенович узнал, только когда встретился с любимой супругой и дорогим сыном, которые все ему рассказали. Это случилось через два года. Не так много, но и не так мало для душ одинаковых словно половинки одного апельсина. Взявшись за руки, половинки двинулись дальше по зигзагу, который никогда не начинался и никогда не закончится. Поэтому печали и горести испарились в безвременье, ведь здесь каждый понимал, что одной жизнью путь не заканчивается, а является лишь чередой встреч и расставаний...

Их часы, дав несколько оборотов вокруг своей оси, начали новый отсчет, в этот раз менее трагичный. Пока шестеренки крутились, а хрустальные песчинки падали, – зрелище волшебное и радующее каждый раз по-новому – Виктор Семенович узнал, а точнее, вспомнил, что, во-первых, собачка Люба не была виновата в смерти хозяйки. И успокоился. И во-вторых, у собак и у человека действительно имелся общий предок, именно поэтому многие хозяева относятся к питомцам порой лучше, чем к соседям. Но это была уже совсем другая история... Перед тем как отправиться в новое путешествие под руки с любимыми, Виктор Семенович попросил прощения у Любы и пожелал ей удачи на прощанье. А удача ей ой как пригодилась.

***

После того как собаку с человеческими глазами отвели в питомник, у нее началась тяжелая собачья жизнь. То ли предок сильно испортил судьбу всем песым, то ли жизнь собак сама по себе несправедлива, то ли у жизни, человеческой или собачьей, совсем нет никакого смысла, Люба додумать не могла. Жизнь замкнулась в один большой день, который никогда не заканчивался, и где постоянно приходилось держать ухо востро.

Но не все было так плохо. Пожелание удачи от бывшего хозяина принесло Любе по-настоящему удачное соседство. В бетонно-железных камерах, два на два по нормативу, содержалось по две собаки. В питомнике, который, к сожалению, являлся муниципальным, не таким богатым, как те, что настроили добросердечные богачи, – а такие тоже встречаются в наше время, хотя все твердят, что мир катится в тартарары, – работали люди, от собачьей никчемной жизни устроенные мыть и кормить своих собратьев в волчьем облике, в назидание о том, что их ждет буквально в следующей жизни. И от такой картины их умы и сердца, а также руки и ноги не горели желанием продлить или оскотинить жизнь своих визави. Поэтому жизнь в питомнике ждала жесткая, волчья: утром холодный душ из шланга и одновременно мытье камеры, потом скудный обед, потом долгое лежание до следующего утра в любую непогоду, где ждал холодный душ из шланга и одновременно мытье камеры. Прогулок не предполагалось. Для этого роскошества не имелось ни персонала, ни территории. Самыми страшными днями приходились понедельники, когда собачий патруль привозил новеньких. И тогда, если мест не хватало, к волкам, голодным и озверевшим, подсаживали больных и уже не чаявших выйти на волю помертвевших от страха собак. Таким образом решались вопросы и места и пропитания. Такими же страшными были дни ревизии. Если за два года пребывания на этом «курорте» собаку так и не забирал редко заходящий зевака с добрым сердцем, ее тоже скормливали голодным троглодитам-соплеменникам.

Конечно, ни Люба, ни Искра – так звали собачку-терьера, компаньонку по камере, – не имели ни малейшего понятия ни о понедельниках, ни о ревизиях, ни о личных трагедиях работников муниципального питомника, они не знали и причины, почему оказались в этом аду. Но животные, в отличие от людей утратившие интеллект, сохранили то, шестое, а может,

седьмое и восьмое чувства, предугадывая грядущее плохое по ветерку, по сгущению свинцовых тучек над клеткой их дома. Рассказывая друг другу о чувствовании по дрожанию испуганных ушей, по особому блеску глаз, по истошному вою накануне беды.

Так Люба прожила почти два года, все больше предчувствуя, как ее дни на этой земле подходят к концу. И больше всего боялась она потерять Искру. Несмотря на голод, частое подбегание какашек друг у друга, невыносимый холод зимой и тяжкий зной летом, это были самые счастливые годы в жизни двух подружек. Любе и Искре повезло: никому – слава соба-чьему богу! – за все два года не пришлось в голову подсадить или рассадить их. Обе они, хоть и не были воспитаны добропорядочными хозяевами, не выли ночью, как другие, не мешали спать уставшим охранникам, работавшим и жившим в питомнике. А часто за вой сгущающие по прежней жизни псы, которых легко могли бы забрать только за родословную, попадали под горячую руку. Такова была жизнь в псарне.

Искра тоже чувствовала надвигающуюся катастрофу, поэтому все чаще отказывалась есть, отдавая свою порцию подруге. Люба ела. Голод не тетка, но обязательно в знак благодарности нежно терлась об Искру, чтобы развеселить уставшую, отчаявшуюся, обросшую, словно горная овца, терьершу. Когда однажды в питомник завалилось сразу много людей, которые ходили от клетки к клетке и шумно разговаривали, размахивая руками, Люба и Искра спрятались в дальний угол своей бетонной коморки, боясь сделать что-то не то.

Две девочки подбежали к их клетке и стали дружно и ласково звать собачек подойти. Первой оттаяла Люба, в душе любящая и детей, и игры. Искра же осталась на месте. Дети так крепко обнимали красивую собаку с человеческими глазами, что пару раз Люба взвизгнула от боли, но все равно не отошла от вкусно пахнущих добрых детишек.

Сзади подошел мужчина и сказал:

– Эта не подойдет. Помесь гончих. Ей надо много места и желательно дом, да и выгуливать минимум час. Кто это будет делать?!

Дети стали орать наперебой, что готовы на все условия.

– Нет, терьера – нет, – подошла женщина, всматриваясь в обросшую и запутавшуюся в колтунах Искру. – Во-первых, шерсть, во-вторых, грязь. Ни времени, ни терпения, ни денег на все это не хватит.

– Мы! Мы! Мы будем выгуливать и мыть! – не переставали кричать дети, согласные и на Любу, и на Искру.

– Для гончих нужен дом. Квартира не сгодится, – неустанно повторял мужчина.

– За терьерами нужен уход. Это как третий ребенок. Я не могу! – будто сама себе вторила женщина.

Конечно, ни мама, ни папа Лизы и Вали не знали о том, что у Искры заканчивается срок жизни ровно через тринадцать дней, а у Любы через двадцать пять. Может быть, узнав об этом, они отбросили бы какие-то свои интересы и попытались помочь живым существам вопреки «дорого», «не мое», «мне кажется», «я». Но они не знали эту жестокую правду жизни брошенных собак. А Люба с Искрой не могли им это рассказать. Человеки не понимали языка подрагивающих от страха ушей, особого слезливого блеска в глазах, где по слезинкам можно было бы посчитать эти последние деньки. Человеки думали о себе и образе своей жизни. Спокойной. Счастливой. Понятной. Распланированной. Это нормально. И Люба с Искрой это тоже, как ни странно, понимали. Может быть, поэтому в этой жизни они родились по линии предка собаки? Что же будет с родителями девочек в следующей жизни?

Впрочем, человеческий взгляд Любы перевесил все минусы на чаше добра и терпения, названные папой и мамой, и уже через час, заплатив пошлину за какие-то бумаги и клятвенно поклявшись ловцам собачьих душ стерилизовать собаку, семья отправилась домой, по очереди гордо неся нового члена семьи у себя на руках. Люба весила как пушинка.

Искру, как уже стало понятным, никто никогда больше не видел. Потом, когда Люба стала мудрой бабушкой, она надеялась, что, когда ее хрустальные с песчинками часы перевернутся, они с подругой обязательно встретятся и узнают, почему их свела судьба на эти счастливые года. Почему все вышло так, как вышло. Все ответы на все «почему» найдутся, нужно только дождаться. Люба-бабушка не ошиблась.

***

Любу привели домой и попытались помыть. Но это оказалось непростым делом. Шланг, вода отныне – но, слава богу, не навсегда, – стали кошмаром для собаки с человеческими глазами. И испытанием для семьи. Но дети обожали Любу, даже с запашком жуткой псарни, оставшейся теперь в прошлом. Мама не теряла надежды – а врачи скорой помощи ее никогда не теряют! – помыть красивую собаку и сделать ее по-настоящему домашней питомицей и любимицей. И родство имен Люда и Люба прибавляло маме надежды.

Папа наблюдал за нервными перебежками Любы из комнаты в комнату в поисках Искры или угла, где приткнуться от страшных новых шумов и запахов, и на пятый день устал повторять про характер гончих и про необходимость пространства для таких животных. Просто вздыхал и тихо терял надежду на то, что собака приживется. В уме стал прикидывать знакомых, у кого имеются дома или дачи, а лучше даже хозяйства, где собака могла бы пригодиться.

После того как Люба от страха и непонимания новых слов про «гулять» накакала огромную плохо пахнущую кучу на белом красивом любимом мамой паласе, привезенном из Турции, который семья тащила в чемодане, пожертвовав личными вещами, мама тоже стала терять надежду, начиная спрашивать коллег и больных, нет ли желающих на собаку с человеческими глазами.

Мама даже подумывала отдать собаку бабушке Наде: у той имелись и дом, и пространство, и полувековое терпение. Но дедушка Валера, папа мамы, сильно и долго болел, там было бы сейчас не до Любы. Тем более все понимали, что ждать осталось недолго...

Люба старалась как могла, она хотела показаться очень скромной, всегда пряталась под столом, кроватями, забивалась под стулья так, что ее не могли вытащить ни вкусняшками, ни веником. Хотела показаться воспитанной, ела быстро, оглядываясь на домочадцев: никого ли не объедает или не обижает своим чавканьем. Спала мало, торопливо озираясь по сторонам, ожидая, что вот-вот ее отведут назад к Искре. Хотела быть готовой, чтобы не привыкнуть к хорошей сытной жизни. Одним словом, делала что могла, чтоб не быть надоедливой.

Только дети знали, что Люба останется, потому что готовы были уйти из дома вместе с собакой, если понадобится.

И проходили дни, а за ними недели, а потом и месяцы, и семья, несмотря на дополнительные хлопоты, которые, конечно же, отвлекали от рабочих и семейных дел, привыкла и полюбила Любу, прощая и чрезмерную пугливость, и чавканье, и странные повадки. Полюбили ее человеческие глаза настолько, что не могли больше расстаться с нею. К слову сказать, и Люба слегка отогрелась теплом объятий детей, вкусными обедами от мамы, долгими прогулками по паркам с папой.

И вот, казалось, жизнь вошла в свою колею, как Люба, разлегшись на даче у камина, куда семья выехала на целых две недели новогоднего отдыха, стала задумываться о смысле жизни... И он представлялся Любе странным. Зачем она понадобилась мирозданию? Какой смысл в ее маленькой никчемной жизни? Никакого толка от нее не было.

Скажем, приблудный кот Васька, что являлся периодически, и тот ловил мышей, к тому же его не надо было выгуливать, он жил на улице, так и не пожелав обосноваться в доме в теплой плюшевой будке, что для него купил добрый папа. Ни волос, ни мытья лап, ни косточек вообще не требовал. А вместе с тем помогал. И его за это любили и, конечно же, ценили.

Она же приносила в дом только хлопоты. И отлично это осознавала. Мама и папа любили ее, но занятые своими работами и заботами, порой не замечали собаку под ногами. Хотя с ответственностью исполняли свой хозяйский долг по кормежке и выгуливанию.

Дети очень любили Любу, но, взрослея, они все чаще пропадали с друзьями и в школе. И короткие и теплые объятия напоминали Любе об их привязанности, но времени на нее все-таки и у них не хватало.

Тогда зачем она живет? Не лучше было б оставить ее в псарне, чтобы разделить участь ненужной брошенки Искры? Так было б справедливее.

Люба инстинктивно завывала, вспоминая грязную обросшую терьершу... дорогую Искру. На вой выбежала мама и стала успокаивать Любу:

– Знаю, знаю, ты тоже чувствуешь, что дедушка Валера... был хорошим человеком. Он тебя тоже полюбил с первого взгляда. – Мама присела на корточки и обняла дворняжку с человеческими глазами словно человека, словно друга, надолго повиснув на ее шее, плача об утрате отца.

Всего это Люба не знала, но чувствовала, что нечто странное происходит в семье, приехавшей на дачу поддержать бабушку Надю в ее горе.

Бабушке Наде было очень плохо. Она просто замерла и отказывалась разговаривать и выходить из своей комнаты. Дедушка болел давно, и все подозревали, что этим закончится его долгое покашливание и потеря сил. Но все равно... было трудно привыкнуть, что папы, дедушки, главы большой мирной семьи, больше нет, и он никогда не вернется. Его часы на этой земле остановились, но мерно продолжали тикать там, где времени и пространства уже не существовало.

Люба душой понимала бабушку, потому не лезла к ней в комнату, хотя любила пошляться по дому.

Она теперь часто лежала у горящего камина, в тепле очага было легче думать о своей судьбе. Теперь хорошей и спокойной, но какой-то незаконченной, непонятной.

***

После трагедии папа с мамой стали чаще уединяться в своей комнате, и мама часто выходила из комнаты с красными мокрыми глазами... Всем совсем стало не до Любы. И когда наступил день возвращения домой, бабушка впервые вышла из своей спальни, чтобы попрощаться с семьей, вынужденной вернуться к обычному образу жизни, школа и работы не могли ждать. И попросила оставить Любу с ней на даче.

– Хоть кто-то со мною здесь останется, – тоскливо сказала бабуля, обнимая собаку. – Да и к тому же собаке здесь лучше, чем в узкой вашей квартире.

Никто не посмел воспротивиться бабушкиной просьбе, и в ее словах действительно имелась правда. Мама с папой даже вздохнули облегченно: меньше хлопот и бабушке так веселее.

Так у Любы началась другая, дачная, жизнь. Сначала бабушка, никогда не имевшая домашних животных, ведь дедушка страдал аллергией на шерсть, как когда-то Любовь Геннадьевна, совсем забыла про Любино расписание и, получив тепленький пахнувший подарочек на пороге, быстро надев теплые валенки, выбежала на улицу и вытолкнула собаку. Стоял мороз, но бабушка честно отдежурила полчаса; для собственного разогрева и нужной для гончих активности, как советовал зять, они с Любой обошли вокруг дачного дома ровно двадцать четыре раза.

На следующий день прогулки вокруг дома повторились, пока бабушке это не надоело, и она, одевшись потеплее, пошла показывать Любе их дачный поселок целиком. Уже через неделю бабушка, забравшись в дальнюю комнату-хранилище, обнаружила старые дедушкины лыжи, которые решила испробовать. Раньше почему-то не хотелось, а сейчас... А сейчас то ли от частых прогулок, то ли еще от чего-то прибавилось сил, и бабушка уже вместо двух прогулок с Любой, утренней и вечерней, прибавляла еще и послеобеденную. Иногда к ним присоединя-

лись бабушкины подруги. А увидев лыжи и вспомнив молодость, яркие впечатления, простые зимние забавы, и те по примеру отыскивали на чердаке свои пыльные. И небольшой компанией с термосами стали отправляться сначала в короткие, потом в более долгие забеги с неизменной спутницей Любой, путающейся под лыжами и ногами, нещадно гоняющей всех лесных белок и смешно лающей на птиц.

***

Пришла весна. Дача зажила новой жизнью. Приезжающие на выходные дорогие родственники, ставшие для Любы немного дальними, потому что с бабушкой Надей собака познала истинную дружбу... Люба больше не лежала без сна у камина, а спокойно спала с чувством полного удовлетворения и выполненного долга после трех прогулок в день, понимая, что ее миссия на этой земле – выгуливать бабушку Надю, у которой словно открылось второе дыхание во всем. Она решилась взяться за генеральную уборку дома, захламленного вещами еще советского прошлого, заняться огородом, который раньше ненавидела и презирала любое земледелие. В доме завелись гости. Ни один вечер не проходил без дружеских посиделок, общения и чаепития. Дедушка Валера, оказывается, был человеком хорошим, но своеобразным, не любил посторонних личностей на территории. Бабушка же, общительная по натуре, только сейчас дала себе волю пригласить всех и всяких по поводу и без. И Любе доставались все ласки на свете, включая массажи спины и воротниковой зоны. Ну конечно, комплименты про нечеловеческие или очень даже человеческие глаза и необыкновенную красоту.

Однажды, сидя в такой душевной компании у камина, который подогревал подмосковный март, обращаясь к трем подругам, бабушка Надя сказала:

– А знаете, девочки, ведь вот у нас с вами была любовь, а у Любы, хотя она и есть само воплощение любви, ее нет и никогда не было...

– Да что ты такое говоришь, Надюш! Любу твою все любят! Да разве можно ее не любить, она прелесть! – И подруга бабушка Лена погладила собаку, крепко прижав к пышной груди как ребенка.

– Я не про эту любовь... Я про настоящую, – задумчиво проговорила бабушка Надя, глядя в горящий очаг.

– А разве вы ее не стерилизовали? Из псарни нельзя унести собаку без этого.

– Я не разрешила. Родиться на этой земле такой красивой, быть названной Любовью и не испытать любви – тогда не стоило и рождаться... Люба должна полюбить.

– Чудноватая ты, Наденька, – засмеялась бабушка Вера, при этом одобрительно кивая головой, понимая, о чем толкует подруга.

– Я уверена, что у каждого на этом свете есть своя вторая половинка. У муравья, у газели, у крокодила... Иначе бы ничего не вышло, понимаете?! Иначе зачем все это?! Просто так быть?!

Все замолчали, обдумывая слова подруги.

– Ну, по крайней мере, есть смысл попытаться поискать... – одобрила бабушка Женя. – В крайнем случае проведешь случку и получишь Любиных детей, – прыснула она.

И все засмеялись. Но на этом шуточный разговор не закончился.

Уже на следующий день бабушка Надя позвонила внучке, владевшей, как и все внуки современности, гаджетами и «вай-фаями», чтобы узнать ближайшие от дачи адреса псарен и приютов.

– Ведь твоя вторая половинка, вероятно, тоже благородных кровей, должен был бы хлебнуть судьбушки по самые уши, – рассуждала бабушка, советуясь с покорной Любой, счастливой, что с ней ведут беседы, хотя она не понимала, о чем. Но явно это пахло приключениями.

Итак, походы по поиску собачьего принца Любы начались, и, узнав, что подруга не шутила, бабушки Женя, Лена и Вера – как кунаки – тоже вызвались сопровождать свою

любимую питомицу с человеческими глазами. Но задача оказалась более сложной, чем все думали.

Бабушке Наде решительно никто не нравился. Хотя она подолгу всматривалась в каждого кобеля и проверяла его карточку, расспрашивала о деталях жизни, ища сходства с Любиной судьбой.

Как она определяла, что никто не нравился Любе, – оставалось секретом. Ведь бедная собака, поначалу думающая, что ее пришли возвращать в собачий ад, пряталась, артачилась, категорически отказываясь входить в узкий проход между клетками, где выли и лаяли несчастные ее сотоварищи.

Но это было только начало приключений. По ходу посещения кунаки, они же подруги бабушки Нади, сами того не подозревая, осознали, что являются большими любителями животных, в частности брошенных собак, и каждая из них уводила домой маленькую или большую шавку, немытую и испуганную, чтобы сделать своей питомицей и любимицей. Так, в поисках любви, истинной и единственной для Любы, три песика обрели добрых покровительниц и теплые дома, где их приняли как родных.

Но Люба и бабушка Надя все еще не находили того самого, ради которого...

Родные к этой идее отнеслись... ну как бы выразиться помягче, словами: «Хорошо, что папа этого не видит», – говорила мама. «Возраст», – философски комментировал папа. «Клево!!!» – радостно кричали дети, еще больше восхищаясь своей необычной, потрясающей, ни на кого не похожей бабулей.

Однако, несмотря на таимые упреки и непонимание, в глубине души все были счастливы, видя бабушку в добром настроении, похорошевшую и посвежевшую с появлением в ее жизни Любы и этой странной затеи.

Наконец, приюты и псарни поблизости закончились, и дружной команде спасателей и приверженцев истинной любви пришлось выехать в другой округ большой и необъятной столицы нашей родины.

На эти поиски уходил целый день, но хорошо заготовившись бутербродами и термосами, неутомимая бригада дружной веселой компанией бабушек, которые совсем не походили на бабушек, и собак, которые были скорее друзьями, чем просто животными, весело преодолевала пробки и дороги.

Однажды они случайно набрали на очень дальний, заброшенный вольер с собаками, судя по всему приготовленными на забой, так как мест в питомниках не хватало. Сюда даже не заглядывали волонтеры, с которыми перезнакомились бабулечки за время поиска любви для Любы. И неожиданно сердце бабушки Нади ёкнуло около одной клетки, где сидели две собаки: одна радостно подбежала, подпрыгивая, увидев посетителей, а другая равнодушно осталась лежать в дальнем углу. Было видно, что вторая собака ранена или тяжело больна, но виду не подавала, не скулила и не пряталась. Просто смотрела.

– Смирный как солдат, – произнесла бабушка Надя, не обращая внимания на прыгающую рядом собаку, вообще ни на кого не обращая внимания.

Подошел охранник, сам похожий на брошенного пса, и рассказал, что Льюиса привели хозяева, переезжающие за границу, куда они его забрать не могли. Сам по себе пес породистый и даже с характером, поначалу он кочевал из клетки в клетку, где бился насмерть со всеми; единственный, с кем уживается, это Ветерок. Да и то, пока не заживут раны, наверное.

– Никак не привыкнет к новой судьбе. Так и помрет непривыкшим, – тяжело констатировал охранник Федор.

– Мы его забираем! – холодно сказала бабушка Надя, доставая приличную сумму на выкуп и телефон. Она звонила папе, чтобы тот срочно выехал за Льюисом.

– О Господи! Только Льюиса нам не хватало, – незлобно ответила трубка голосом папы, пообещавшим быть в течение часа.

А потом начались звонки по дружным контактам волонтеров, которые тоже прибыли в течение часа, и все прибывали и прибывали, прознав про заброшенный вольер с никому не нужными собачьими жизнями и душами.

– Не бойтесь? Покусает вашу сучку. Глаз вырвет. Он доберману вырвал, – переживал Федор от похвального подношения к его труду.

– Это ж его любовь. Может, сразу и не признает, но потом обязательно все будет хорошо. Как в сказке, – обнимала за плечи бабушка Надя чуть обалдевшего от таких слов Федора. И на радостях всем бабушкиным хором они пригласили его отобедать у них в деревне за славную работу и самоотверженность, что, несмотря на отсутствие финансирования, не бросал исполнения ни служебного, ни человеческого долга, хотя уже полгода задерживали зарплату. Федор расчувствовался от такой теплоты и пустил слезу. У него была собачья жизнь. И он был виноват в этом. Но доброе отношение делает чудеса даже с самыми черствыми и сухими сердцами на свете. Хмурое лицо охранника просветлело. Этим днем собаки, проживающие в вольере, не получили холодного душа с напором из неумолимого шланга.

Люба, к слову сказать, не обратила внимания на раненого кобеля, собственно, как и на радостного, которого уже через час радостно куда-то уводили волонтеры.

– Еще бы, лабрадоры такие дорожные! Ведь они настоящие друзья человека! Ребенка воспитать могут! Его б в другом питомнике в первый же час с руками, то есть с лапами, оторвали, – удивлялась бабушка Вера.

– Льюис! Льюис! – позвала бабушка Надя, но собака не двинулась с места, продолжала лежать и безучастно взирать на людей. – Солдат! Иди сюда! – позвала она еще раз, на ходу придумав прозвище, и заметила, как заблестел глаз у собаки, будто она попала в точку. – Солдат, ты можешь идти?

Собака немного затряслась, пытаясь встать на ноги, и медленно, все же не меняя выражения морды, двинулась к новой хозяйке.

– Молодец, мальчик! Сейчас мы тебя заберем домой и подлечим. А потом уж ты влюбишься в нашу Любу.

– А он красивый! – восхищались подруги, подбадривая ничего не понимающую Любу, теребя ее за холку. – Смотри, какой благородный и сильный духом, даже не пискнул. А ранено так сильно.

Льюис, или теперь Солдат, относился к породе собак молчаливых, но пытливых. Сразу сообразил, что судьба его меняется, причем самым невероятным образом, и что нужно ей поддаться, даже если этап отчаяния и мук давно прошел, и надежды выгорели дотла. Но только настоящий солдат живет и надеется до конца. Не разрешая перегореть сердцу, оставляя последнюю каплю надежды на спасение.

– Потому что, пока ты жив, есть надежда, да, мой хороший? – погладила бабушка Надя смиренную собаку и разрешила зятю уложить раненого на заранее разложенный плед и подушки.

– Так Луис или Солдат? – не понял папа.

– Какой к черту Луис?! – смешно возмутилась бабушка Надя. – Много ты видел в Подмоскovie Луисов, а кровью солдатской вон почти до Москвы залито.

– Ой, ну и выдумщица вы, мама! – смеялся папа, инстинктивно понимая, что начинается новый этап в жизни семьи. И будучи абсолютно спокойным за душевное счастье тещи, а значит, и жены, и детей, и свое (!) повез всю бригаду лечиться на дачу.

Группа бабушек, их питомцев, волонтеров еще долго не расходилась, составляя план спасения оставшихся живых душ.

***

Папа был мудрым человеком. У него в компании трудилось почти пятьсот человек, большая половина которых числилась женской. И человеку, терпевшему такое безобразие, нужно

было ставить памятник при жизни. И это делали не раз, восхваляя работодателя в дни, посвященные тому, а также во внеурочные выходные и даже в святой день Восьмого марта. Поэтому папа правильно почувствовал, что, несмотря на континентальные конфликты, мировые кризисы, разруху и просто разнообразные житейские трудности, в его семье, большой и дружной, жили мир и порядок. И это странным, нелогичным образом являлось следствием того, что его семья в лице питомцев ширилась и ширилась.

– Наверное, Люба с Солдатом нам карму чистят... – говаривал папа современным языком, понабравшись от детей, разбирающихся теперь и в карме, и в политике, и во всем на свете, сидя у камина и наблюдая за жизнью собак – вечно радостной Любой и смиренным, но довольным Солдатом, который, конечно же, расцвел после лазарета и кормежки по специальной диете бабушки Нади.

– Красивый пес, спокойный и умный, – констатировал папа. – Интересно, какие щенки получатся? И главное, как мы их будем раздавать. Они ж не будут у нас все...

– Боюсь, Витя, – обнимала мама папу, обхватывая за широкие плечи, – что миссия Любы на этой планете, – цитировала мама, то ли услышав мысли Любы, с появлением Солдата вообще не задумывавшейся о смысле жизни (кстати, первый признак абсолютного вселенского счастья!), то ли подслушав философские чаепития маминых подружек, – не только выгуливать бабушку Надю и делать счастливым Солдата, но и снабжать нашу семью новыми чистильщиками кармы...

Бабушка Надя абсолютно не прислушивалась к разговорам домочадцев (кстати, второй признак вселенского счастья!), а летала по дому на своей волне, напевая под нос. И это был третий признак очень счастливого человека. Ведь сегодня у старшей внучки был день рождения. Восемнадцать лет! И Варечка выбрала денек в своем загруженном календаре, распланированном на молодые года вперед, провести его в семье на даче. Первый признак взрослого человека. А может, ей просто нравилось справлять свой день рождения только с самыми близкими.

– Варя, – внимательно посмотрела на внучку бабушка Надя. – Когда мне было восемнадцать лет, я вышла замуж за дедушку Валеру. Он был тот еще фрукт! Ну ты знаешь... Но любила я его крепко. Потому что знала: никого другого не хочу видеть рядышком с собой. Я ведь тоже тот еще фрукт! Он был и есть моя вторая половинка. Поэтому от души желаю тебе когда-нибудь найти твою вторую фруктовую половинку, осчастливить его сначала своей красотой, добротой, ну и богатством. Ты у нас девушка с приданым! А потом осчастливить себя, его и нас красивыми, здоровыми, добрыми детишками. Пусть у тебя родится целых три дочки, и одну из них назови Любава... Я уверена, она обязательно станет писательницей, даже если будет работать бухгалтером. И пусть напишет сказки про меня, про Любу, про Солдата, про дедушку Валеру, про войну, где погибли мои мама и папа. Про то, какие мы все хорошие и счастливые, что сейчас нет войны. Нам всем будет очень приятно читать эти сказки.

Конец

«Дедушкины Сашины сказки»

Когда вырастаешь, вопросы счастья встают особо остро. Прямо раз в неделю тебя точно кто-то, да или ты сам, спросит: а ты счастливый? А отчего ты счастливый? А когда именно счастливый? И тут, конечно, градом сыплются картинки этого самого счастья, связанные с машинками, с велосипедами, с друзьями... Но все эти истории часто оставляют двоякий след в душе и в памяти: машинки ломаются, друзья подводят или ты их подводишь... Но некоторые из историй никогда не подводят. Всегда-всегда несут счастье, даже если оно случилось почти сорок лет тому назад...

***

Больше всего на свете я любил пятницы. Но не потому, что это конец трудовой недели... У детей летом в деревне, брошенных на попечение бабушек и дедушек, нет конца недели. Выходные начинаются тогда, когда тебя, как попаданца, забрасывают на планету, где живут лишь бабушки и дедушки, и заканчиваются днем, когда с первыми дождиками и осенними желтыми листочками посвежевшие, отдохнувшие родители приезжают тебя демобилизовать с планеты счастья в мир серых будней.

А пятница была особенной, потому что приносили почту. Дедушка Саша становился крутым специалистом в мировой политике и экономике, искусным рассказчиком историй про войну, и не одну, которые выпали на его век, а также магом и волшебником, чьи фантазии уходили так далеко, что угнаться за ними мог только увлеченный второклассник или не потерявший легкость души старик.

– Вот шельмы, что творят! Всё с ног на голову перевернут, обзовут малинкой, а ты ешь и причмокивай их навоз потом! – кряхтел дед Саша громко, так что из окна обязательно раз в пятнадцать минут выглядывала бабушка Ольга, чтобы сделать замечание.

– А что ты меня критикуешь?! – вскидывался дед ровно в пятнадцать минут. – Мы их, фашистов, давили-давили! Я их один только целую тысячу повалил. Да какую там тысячу, как звезд на небе! – махнул он рукой на голубое-преголубое небо. – И Борис еще тысячу! А они, глянь, гниды, повыживали, другими именами обозвались и теперь нас жизни учат. Васька! – бросил он мне сквозь поседевшую, еще чуть рыжую бровь. – А ну, клянись, что навсегда коммунистом останешься! Иначе я тебя кормить не буду!

– Дед, да хватит тебе, – вынырнула бабушка из окна в положенные пятнадцать минут. – Что ты к ребенку пристал со своим коммунизмом, может, он и не знает, что ты там лопочешь.

Дед недоверчиво, будто не веря, посмотрел на меня, ухохатывающегося от этой перепалки, и сказал:

– Вась, вот ты, когда ешь, ты свой палец или глаз одинаково кормишь? Или вот сердце и коленку? Оно ведь понятно, что сердце важнее, но коленку не покормишь – далеко не уедешь. Разве не ясно? Это и есть коммунизм, сынок! Всем поровну, – серьезно, будто выступая перед партией, вещал дед.

– Кормлю... – только и смог вымолвить я, и слезы брызнули из глаз, потому что я скумекал, что дед шутит. Рыжевато-седая бровь хитро скривилась, он всегда так делал, когда шутил.

– И я кормлю всех поровну. А если ты разбогател, – и он потряс кулаком перед моей разинутой в улыбке конопатой рожцей, – так поделись с нищими. Мало тебе одному миллионов, что потеть-перепотеть – не истратишь за жизнь всё равно, – он обращался ко мне, но видел перед собой те «морды», так он их называл, с черно-белых полос своей пятничной газеты, – сдохнешь, как волк, хоть чуть-чуть себе карму-то очисти перед судом-то божьим и человеческим... Сам потом о пощаде просить будешь...

– Почему как волк-то, дедушка? – заинтересовался я, сглатывая смешные слюни и вытирая соленые глаза.

Дедово сознание вместе со взглядом вернулись из мира капиталистов-буржуев и посмотрели на меня.

– Знаешь, мы когда шли на Берлин, много встречали богатеев-то... Только и их война не пощадила. В мирное-то время можно было б купить слуг себе. А когда бомбят, то слугам никаких денег не надо. Вот и оставались старые богатеи в замках своих, никому не нужные, без братьев и сестер, без жен и детей. Немошные и убогие душами и телом. Большие деньги жадность рожают, а она сестра вредная, большим веником родню из дома выметает, – потом увидел у меня неподдельный интерес к этой теме и продолжил:

– Так вот, значит, заняли мы один такой замок. Знатный, красивый. Роскошный, – опустил дед глаза в пол, будто там оказался у себя в воспоминаниях.

– По закону военного времени надо было б в плен взять всех, кто остался, а некоторых особенно рьяных врагов и расстрелять для пущей верности. Да, на счастье, для души солдатской во всем замке один старый дед и оказался, да и тот к постели прикованный. Дух испустить ему осталось лишь в этой жизни, – он со значением причмокнул. – Я немецкий, как родной, тогда знал. Враги – они ж как родня становятся: все думы про них, все планы об них, гадаешь, мозгуешь, изучаешь... Вот и выучил. Ну и вечерами подходил к старику, воды подать, так просто посидеть, послушать, что мелет. А ему это лучше любого подарка – внимание-то. Пусть и врага. Он мне и рассказал, что после жизни, какую прожил, суждено ему лишь волком родиться. Ибо прожил ее, как пес поганый, всё про себя думал, всё себе загребал. Всех живых от себя прогнал, а вместо них картин да скульптур наставил, думал, это и есть жизнь богатого человека. Сильно ошибался. Да только поздно. Вот и осталось волком быть.

– А он пощады не просил? – заинтересовался я взволнованно, не зная, как отнестись к этому персонажу, с состраданием или без прощения. А дед сигналов не подавал насчет совести.

– Дак он черный колдун был, такие пощады не просят... – сказал дед под мои обескураженные вздохи. – Говорит мне, – усмехнулся, – де, давай тебе передам свои силы коварные. А я ему: куда тебе старик, я сам колдун из колдунов. Тогда, говорит, возьми меня с собой, век тебе благодарный буду. Жизнь спасу, свою не пожалею.

И от сил, говорит, не отказывайся, их только глупые называют черными или белыми. Силы – это силы! А я, мол, твоим ангелом-хранителем сделаюсь, с войны живым вернешься. Пули тебя обходить станут.

– А что надо было сделать-то? – не стерпел я, пушисто моргая наивными глазами.

Дед помолчал, будто раздумывая, стоит ли мне такое вообще говорить, почесал нос, из которого бурелом седой торчал, но сказал:

– Воды стакан подать перед смертью старику да руку пожать... А как дух испустит, этот дух в пузырь посадить и в лесу отпустить, чтоб черный колдун себе зверя нашел...

– И ты сделал? – тихо спросил я, только представив себе эти ужасы с черным лесом, и в горле пересохло.

– Саня, ты зачем ребенка пугаешь? Ночью спать не будет. Ну, я сейчас выйду, получишь у меня! Не дед, а прям Кощей какой-то! А вот ребенок дара речи решится, что Ваня с Леной скажут? Оставили, называется, школьника бабушке-дедушке, а возвратили инвалида.

Дед позвал за собой, чтоб продолжить разговор в другом месте, подальше от вражеских ушей.

– Пойдем к деду Боре вишню кушать. А то у этого старого жадины ее как чертополоха. Пусть делится... – и мы улизнули в самый момент, когда бабушка Оля с пунцовым лицом и с полотенцем в руке уже вылетела на пустую улицу.

Пока шли, присели на лавочке, чтоб договорить, и заметили, как Байкал увязался за нами. Никогда не пропускал походов.

– Так получилось колдовство-то? – спросил я с придыханием.

Дедушка опять недоверчиво взглянул на меня, прикусил губу, но потом-таки разомкнул уста.

– Да не боюсь я, деда, колдовства черного! – пытался убедить я его, молчаливого, загадочного. – И когда ты помирать станешь, принесу стакан воды. Ты только подольше поживи, – попросил я слезливо и прижался к его плечу в клетчатую рубашку, чисто стиранную и выглаженную бабушкой.

Молчаливый, он обнял меня молчаливого с глазами на мокром месте.

– Колдун колдуна видит издалека... А вообще, запомни, Васька, есть такие люди, ну прям сущие ангелы. Или, точнее, они так думают. И богу молятся, и в детские дома ездят, и за свет-газ урочно платят. Прям светятся оскалы у них ангельские. А вот упадешь ты оземь, ну, сделаешь ошибку какую, – и руки не подадут, чтоб не мараться. А вот плохой человек, много в своей жизни падая, знает, чем земля и пинки людские пахнут. Тут отличать надо уметь, – он поднял указательный палец вверх. – Тут надо уметь! Но я научу... Ты не переживай.

– Ну а колдун? Колдун-то че?

– А что ему делается, вона, бегаёт за мною... – и он указал на Байкала, смесь немецкой овчарки и какой-то странной породы, помеси волка или росوماхи. «Черт-те что», – называла его бабушка Ольга и давала мякиши, моченные в козьем молоке.

– Ой, – ойкнул я, зная собаку с рождения и никогда не предполагая, что...

– Будет хорошо служить, в следующей жизни человеком станет. Может, и в наш род возьмем. Кто-то же должен силу переносить. А ее, внучок, очень тяжело переносить бывает. Если на добрые дела не пускать, она тебя изнутри сожрет. Как немца того...

– Ой, – выдохнул тяжело я. – А я ж художником собирался стать... как мамка.

– Это дело хорошее, – похвалил дед. – Будешь рисовать родные просторы да загадки души русской. Будет тебе такое раздолье! Тут ведь понимать надо! Я ведь тоже рисовал... Да в войну всё поглось, – показал он огромные рабочие, совсем не художественные руки.

– А тебе сила-то хоть раз пригодилась? – спросил я вкрадчиво.

– А то! В японскую в засаде... В Берлине прям на подходе... И в Польше...

– Ой, а расскажи про Польшу, это про детей голодных, да? – выпрашивал я, совсем забыв про вишню.

– Ехали зимой... – и будто холодом обдало от его слов. – Деревни пустые. В каждом доме трупы. Или от бесчинств. Или от голода. Но делать нечего, где-то надо остановиться на ночлег. А я один был, и Байкал, пес. Везли консервы нашим бойцам. Дело военное. Не довезешь хоть баночку – расстрел.

– Вижу, – он приложил ладонь к бровям, всматриваясь вдаль, – из одной хаты дымок идет. Подъехал, – вытер двумя пальцами у рта. – Осторожно вошел... Деревня-то после боя. Солдат не должно было остаться, ни наших, ни ихних... А там семья на скамьях от голода помирает. Все уже опухли от голода. Страшный запах смерти повис, хоть топор вешай. Мать взнемогла первой, вот и некому кормить шестерых стало. А зима лютая, как назло.

– Говорит мне по-ихнему что-то. Молит о пощаде. Только непонятно, о какой: быстрой смерти или долгой. Вталкивать ничего не стал, тут надо сразу решать. А на деле шесть часов у меня было. Достал я свой паек и сварил им похлебку из топора, что называется. После голода по первости – это то, что надо. Сразу-то есть нельзя, запомни. По чуток отходить от смерти надобно, по шажку, по наперсточку, а то спохватится, быстро загребет, костлявая.

Я сглотнул, плохо понимая его слова, но боясь переспрашивать.

– Попоил их бедняг, а наутро уехал. Только пару консервов в бак с топливом засунул для них. Раскроют – расстрел, а не раскроют – им привезу на обратном пути. Как во сне, не знал, что будет. Вот токашма на Байкала надеялся, – улыбнулся собаке и погладил.

– Приезжаем. Считают – а там всё равно. Я ведь уже готовился к расправе праведной. Война ведь. От пропитания солдат исход нашей земли зависел. А тут семья... За одной семьей, понимаешь, брат, миллионы жизней стоят. Тут выбирать надо.

– Я понимаю, – согласился я, не совсем понимая, но тон у деда был слишком серьезный, чтоб не согласиться.

– А тут всё равно, – он задумался, будто до сих пор не верил тому чуду. – Опять не спамши, помчался в обратный путь. Зашел в хату, а там воздух смерти пропал. Ожили ребята. Ну, я им дрова нарубил, мать мазями своими на ноги поставил. Три дня у меня было. Все им посвятил. С Байкалом поохотничали, добычу всю оставили. Ну и на работу, на фронт, умчал. А они молодцы, ведь наши тоже!!! Славяне! – крикнул он мне, как бы доказывая родство и правоту своих действий мне. – Выжили сами! Все шестеро детей выросли! И до сих пор меня не забывают, пишут... И я их не забывал и не забываю, пишу. Как-то вот так, Васька, бывает. Кто его разберет, кто кому брат-сват. Вот порем, потом уж узнаем, да? – развеселился он, как вдруг мы услышали тяжелый бег бабушки Оли.

– Ты посмотри на него! Не успокаивается, старый хрыч! Всё страшит и страшит пацана...

Но мы уже не слышали, дали бег в другую сторону, где дед Боря проживал.

А проживал он не то слово!

– В кремле! Как президент, – смеялся дедушка Саша, легко одолевая бег в своем-то возрасте.

Белокаменный двухэтажный дом, загороженный белокаменным огромным забором, за которым цвели и благоухали вишневые, яблочные и миндалевые сады. Двоюродные дедушка Боря и бабушка Аглая, не уступая моим родным дедушкам и бабушкам, ухаживали за таким хозяйством в одиночку. Редко кто из трех сыновей приезжал из города. Хоть и не забывали

родных, дорогие подарки отцу-матери дарили, но вот визитами не баловали. Это ранило сердце дедушки Бори, об этом было не принято вспоминать. Но тут я всегда усмехался, потому что деда Саша почти при каждом удобном случае все-таки эту тему поднимал. Но тогда я не понимал, а может, просто чувствовал, что брат брату всё разрешал, вмешиваться в кровотокающие и загнившие раны души. И деда Саша раз в две недели звонил каждому из племянников, напоминая о себе и о брате. В разных формах и тоне речи.

– Ну, что, буржуй, давай делись вишней с советской властью, – смеялся дедушка Саша, всегда придумывая прибаутки для встречи с братом. А были они непохожи внешне, как говорила бабушка Оля, как коромысло с бочкой.

Дедушка Саша сухой и высокий, а дедушка Боря – как огромная бочка с груздями, толстый и коренастый. Однако внутри оба горели, как огонь.

– Нету больше советской власти! Добили ее. Демократия теперь. Свобода и раздолье, – громогласно и властно отвечал дед Борис, пожимая руку старшему братцу.

– Тогда принимай недобитки. Когда ваша демократия окончательно страну раздراит, в ад ввергнет, тогда вся надежда на недобитки ляжет. Так что корми от души нас, и еще с собой вишни наложи, – не уступал дедушка Саша.

Я тогда понимал, что за улыбками да смешками серьезные какие-то мысли стоят. И правильно понимал.

– Что ж только вишни? – кричала из окна бабушка Аглая. – Колбасу давай, сала шмат. И возьми патиссонов, патиссоны Ольга любит.

– Не, – отмахивался дед, – мясо не возьмем. – А потом наклонялся ко мне и говорил, чтоб слышал брат:

– Свою козу никогда не ешь, Вася. Она тебя потом на рога и поставит, тока изнутри, за кишки возьмет и поставит.

– Всё старые сказки... – махнул огромной рукой дед Боря и пошел в дом, зазывая с собой.

– Раньше слово «сказки» было означало. Мать всегда говорила. Своих не ешь. Отомстят.

– Ну а куда девать столько мяса-то? – возмущалась Аглая, тут же накрывая на стол для любимых гостей, доставая всё самое красивое и вкусное.

– А куда вы столько заводите? Чай, не голод. Не третья мировая.

– Садись, Васек, – нежно погладил дед Боря меня по голове и очень ласково посмотрел на сходство родное, вспоминая отца своего, верно. Говорят, очень уж я на прадеда вышел хорошо.

– Что, на майские не приедут? А картошку кто сажать будет? – в упор спросил дедушка Саша родню. Наступило молчание.

И через некоторое долгое время поднял голову дед Борис, а в глазах прям огонь горит, мурашки по коже побежали.

– Что ты меня буравишь? – усмехнулся брат. – На мне знаки стоят окающие, рикошетом может отлететь на тебя. Уймись, – махнул он сухой рукой с длинными трудовыми пальцами. – Я ведь спрашиваю не от любопытства или от злорадства. Ты меня знаешь. В последний раз поссорились из-за этого, три года не разговаривали. Хватит уже. Я же вот что пришел... – и он замялся. А дедушка Боря тут же сменил гнев на милость, завидев смятение.

Это всё оттого, что деда Сашу было тяжело чем-то смутить. Значит, дело не в вишне. Бабушка Аглая присела, понимая, что и ее касается.

Вот я тогда удивлялся, как это они друг друга без слов понимают. Прям мыслечтение какое-то! Но потом с возрастом оценил и тоже заметил эту особенность родственных душ.

– Надо тебе, Боря, день рождения свой справить... – начал дед.

– Вот те на... – промямлил Борис.

– Не хотел, чтобы вы от меня узнали, – и тут достал газеты из-под мышки, – эх! Да лучше от меня... Что я, старый, тяну?! На войну родина наша собралась. Да на плохую. А твои богатыри служивые, храбрые да горячие, первые полетят.

Бабушка Аглая уронила чашку, дедушка Борис побледнел.

– Надо бы тебе, Боря, день рождения свой справить. И всю семью позвать. Чтоб все приехали. И никаких отговорок. Если что, припугни болезнью какой.

– Ну зачем? Ну зачем нам эти войны нужны? – начала причитать бабушка Аглая, что я тоже заволновался. – Вот что дома не сидится?! Зачем нам чужие-то конфликты? Зачем всех спасать? Себя б лучше поберегли...

– Ты давай, женщина, прекрати плач Ярославны, – серьезно сказал дедушка, у которого огнем полыхнули глаза на такие разговоры. – А ты хочешь, чтоб мы всем скопом забились в один город, а лучше в одну церковь, сели там сиднем, как ослята, и давай богу молиться о спасении, да?! Так вот —не выйдет! Думаешь, у врага жалость к тебе появится, если ты ослихой запоешь?

Раньше, да, собственно, и до сегодня, никогда не видел, чтобы женщина, красивая женщина, которой еще в свои года являлась бабушка Аглая, с черными, как уголь, глазами, острыми домиками-бровями, с цвета ежевики опалами в ушах и красными, как малина, губами, не обижалась на «ослиху». А только прикусила свою губу и размякла, с добротой глядя на сваяка.

– Сожгут вместе с церковью и твоим богом!

– Богохульник, – тихо сказала Аглая. – Вот Ольга бы тебя слышала...

– Каждый день мой храп слышит, – парировал дед.

– Так вот, соберем всю семью и отметим юбилей твой, брат, – и скорбно сложил седорыжие брови, пока брат читал газету. А значилось там, что вооруженный конфликт только возгорается, собираясь распространиться на многие края нашей родины.

– Еще не уехали? – только поинтересовался Борис.

– Еще нет.

– А что, совсем плохи дела?

– Позором закончится игра эта. Уж больно заигрывают с врагом, а тот ластится, подарочки делает, прям как рысь с тетеревом жирным играет, – и стал указывать на разные заголовки и статьи.

– Что там бабушка Оля делает? Почему в гости не пришла вместе с вами? – переключилась на меня бабушка Аглая.

– Пироги делает, завтра мама с папой приезжают в отпуск, – что знал, отвечал я.

– А с чем пироги-то? – усмехнулась Аглая, трогая меня за мочку уха.

– Вроде с капустой... – вспоминал я, пытаясь одним ухом прислушиваться к шушуканью дедов.

И вскоре дедушка Боря, набрав в легкие воздуха, будто собираясь с силами, переключил внимание с газеты на меня.

– Что, внучок ты мой родной, учит уже тебя деда Саня боевой магии?

Я быстро воззрился на деда. Какая такая боевая магия? И помотал отрицательно головой. Даже с обидой чуток.

– Такому в школе не научат. Ты, Вася, хорошо его слушай. Он меня еще учил. Может, мы благодаря этому огонь и воду прошли. У нас же мамки-папки не было. Мне дед твой и мамкой, и папкой, и дядькой, и теткой родною был. Хорошо, успела бабка наша кое-что порассказать ему самому перед тем, как ее большевики уколошили, – и укоризненно взглянул на деда. Тот отвел глаза.

– Есть моменты в истории, которыми мы, коммунисты, не гордимся, а стыдимся.

– А что ж твоя коммунистическая партия магию не одобряет? Вот узнали б, где надо, про твои приемчики да сказочки, не соскучился бы объясняться? – и стал смешно ухохатываться над братом, сделавшимся пунцовым.

– Дед, а ты что, правда, что ли, черный колдун? – вдруг спросил я, как будто впервые вижу своего деда.

– Слушай больше Борьку, – только и бросил он, а сам отвернулся.

– Эх, люди! – вздохнул Борис и опять от души потрепал меня по плечу. – Какие вы счастливые! Вот нам бы хоть один из троих нарожал бы Васьков, Машуль, Варвар, Григорьев... Да, мать?

– Дождешься от них! – махнула рукой бабушка Аглая. – Каждый день мне только фотографии шлют с Канар, то с Африки, то еще с каких-то земель чужих. А оно надо?! Что дома-то не сидится? Кто будет здесь жить, работать? – и размахнула руками в стороны, указывая на хоромы, в которых только старики и проживали.

– А вот пусть Боря созовет всех сыновей со снохами, да с деверями, да со сватьями, кумовьями, разрешит друзей закадычных пригласить, устроит пир на весь мир, в баньке своей знатной попарит, как родных... Что ее жалеть-то? Авось и приедут целым миром... – и сам махнул рукой. – А если не приедут, внуки всё равно приедут. Кто земле долг не отдал, всё равно внуку-внучке возвращать. Крапивницей, угрями пойдут в Африке-Америке своей, а сюда вернуться, как огурцы малосольные, родные и здоровые станут. Вот на Васька хоть гляньте, в городе задыхается, говорят врачи. Что там у тебя? Аллергия?! Тьфу на нее... А здесь, а ну, Васек, хоть раз воздуха-то не хватало?

Я помотал отрицательно головой, за что получил кулек конфет.

– Это да! – согласился Борис. – Да хоть бы сначала нарожали. А то всё для себя да для себя!

– Война, брат, идет! Только раньше на нас танки свои гнилые гнали, а теперь, хитрецы, поняли: русского солдата войной не проймешь. Они по мягкому, по душе танками своими лживыми давай давить, приучать молодежь к веселой, беззаботной жизни... А если грянет завтра война настоящая? Кто постоит за землю, за мать с отцом, за деда и бабушку? – и стал размахивать газетой, как оплотом противника.

– Внуки, – вставил я свое слово, прожевывая шоколадную конфету, прилипшую к небу и не дающую выговорить слово нормально.

Все трое воззрились на меня с интересом, будто увидали в первый раз, что я вырос.

– Я вас никогда не забуду, – проглотил-таки шоколадную прилипалу я и завидел, как намокли глаза у моих бабуль и дедуль.

Продолжение следует

«Бабушкины Ольгины Сказки»

– Вася, смотри, как мешать-то. Ты смотри сначала, потом делать будешь. По часовой стрелке, обалдуй, – медленно, размеренно, нежно, но как всегда напористо бабушка Ольга ткнула своим красивым пальцем мне в затылок, направляя внимание бестолковой головы на мешанину в огромном тазу. – Еще детям будешь показывать... – учила она, другой красивой рукой с большими рабочими пальцами и светлыми, белыми, полупрозрачными ногтями помешивая красивое тягучее тесто, усыпанное мукой в крапинку отрубей. И красивое золотое неснимаемое колечко с кабошоном граната, привезенным дедом из Чехии, с войны, всё больше и больше погружалось в теплую душистую массу, становясь похожим на скульптуру из белого мрамора руки. Я опять засмотрелся на эту удивительную картину и тут же получил еще тык в затылок.

– Ну бабушка, – заныл я. – Как я буду готовить? Да и для кого? Каких детей? Пусть жена готовит... Да ну, я никогда и не женюсь... – болтал я и получил удар, значительный, теперь уж по хребту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.